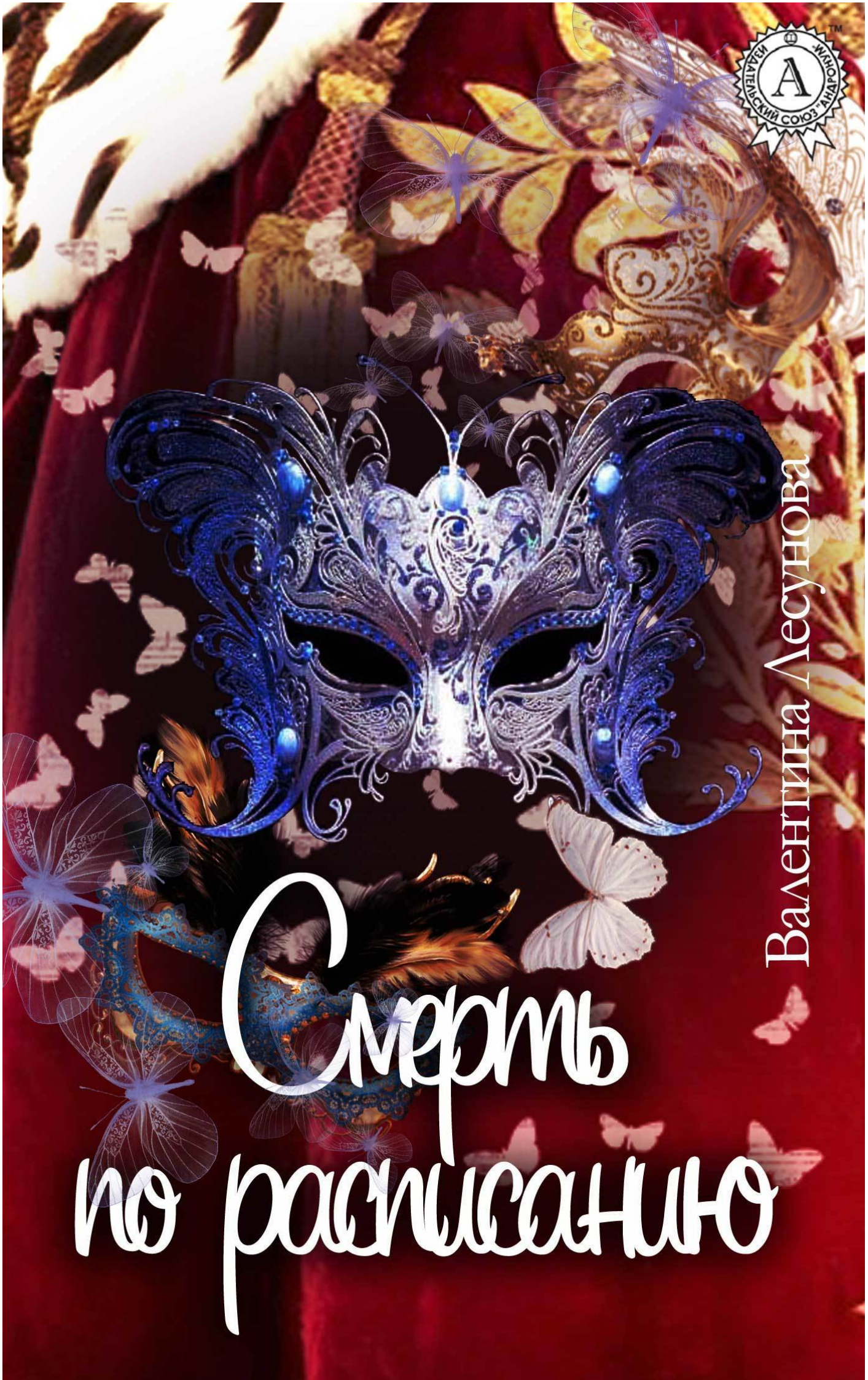
Валентина Лесунова
Смерть по расписанию

Валентина Лесунова

Смерть по расписанию

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Лесунова В.

Смерть по расписанию / В. Лесунова — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Главная героиня, Даша Крестинская, жена следователя Белкина, впечатлительная натура. Муж берег ее и никогда не посвящал в дела, которые ему приходилось расследовать. Но этот случай особый, - убита подруга Даши. Смерть подруги последовала за убийством депутата городского масштаба.Бывший следователь, Михаил Кондра, связал убийство с преступлением, которое произошло много лет назад. Тогда он потерял свою любимую жену Елену, расстрелянную на тихой улице, вечером, когда люди возвращаются с работы. Но почему-то свидетелей не оказалось.Кондра потерял другую женщину, которую полюбил впервые после гибели жены. Он давно уже не работал следователем, и теперь поклялся найти убийцу, любыми средствами. Но вмешались те, кто тоже хотели найти преступника, как и Кондра, любыми средствами.

© Лесунова В.
© Мультимедийное издательство Стрельбицкого

Содержание

1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Валентина Лесунова
Смерть по расписанию

1

Вторник

В небе медленно вращалась каменная глыба, приближаясь к земле. Метеорит? Осколок кометы? Вращение ускорялось, очертания менялись, и вот глыба трансформировалась в казака в шароварах, остроносых сапогах, в вышиванке и с характерным чубом. Усов она не видела, не тот ракурс, но знала, что они есть. Он стоял на высоком постаменте, внизу зрители в светлых одеждах, стиль рококо, с масками на лицах. Казак, раскинул руки, занес ногу для прыжка, вдруг выросли еще руки, и он стал походить на танцующего Будду. Маски слетели и превратились в белых бабочек. Даша пыталась поймать хоть одну, очень важно, необходимо, как будто от этого зависело ее счастье.

Увы, резко прозвучал телефон, вырвал из сна, ударил по нервам, хотелось грохнуть об стену, чтобы сразу и вдребезги. Но злость пропала, когда услышала слабый голосок Лидии.

– Не разбудила тебя, Дашунь? Прости, что так рано, я ночь не спала, переживала.

– Бедняжка. Кто посмел тебя так расстроить?

– Алина. Влезла в чужую семью. Господи, прости ее, грешную, не ведает, что творит, – скорбно проговорила Лида.

– То есть, как это влезла?

– Не знаешь, как? Женатого любовника завела.

– Откуда тебе известно? Алина похвасталась? – возмутилась Даша.

– Его фамилия Береза, он депутат. Я с его женой Ириной знакома. Она младшего сына водит в наш детский сад. Ой, извини, опаздываю на работу. Повлияй на Алину, пожалуйста.

Некоторое время Даша не могла подняться с постели, переваривая услышанное. Нет, ее не смутило, что Алина крутила роман с женатым мужчиной. Ничего удивительного: такой была, такой и останется. Поздно сорокалетнюю женщину перевоспитывать. Но Лида, бедняжка, действительно, страдала. Нельзя ее нагружать подобными фактами.

Бурная жизнь Алины трясла Дашу давно. Что делать, если они дружили с детства. Такой срок к чему-то обязывает. Лида тоже из детства, но Даша старалась ограждать ее от скандальных историй. «Больная совесть» – называла ее Алина. Лида возражала: «Совесть всегда здоровая, отсутствие ее – болезнь, неизлечимая.

«Да, уж, болезнь, надеюсь, не заразная», – проговорила Даша и выглянула в окно: солнечное утро, синее безоблачное небо, – день будет теплым. Все, никаких заморочек, подружки уже давно взрослые, в опеке не нуждаются, надо наслаждаться бабьим летом. Совсем скоро ветреный ноябрь, из дома не захочется выходить, тогда можно и посплетничать.

Она влезла в джинсы, натянула легкий свитер, сделала выбор в пользу кроссовок.

Приятно осознавать, что она, как девочка – подросток, сбежала по ступеням, и дыхание не сбилось.

Сначала заглянет на точку, маленький бизнес, потом уже прогуляется по любимой набережной самого любимого города в мире. Можно проехать две остановки на троллейбусе, но лучше пройтись, – так быстрее.

В сквере возле памятника Екатерине Второй, присела на скамейку, порылась в сумке, достала телефон, позвонила мужу, он буркнул, – занят, очень, и отключился. Ясно, где-то кого-то убили. Тяжело вздохнула, надо было раньше думать, прежде чем выходить замуж за следователя.

Почти рядом со сквером, только дорогу перейти, виднелось солидное здание классического стиля, там ее точка. Она прыжком преодолела три ступени, открыла тяжелую дверь, и оказалась в просторном, облицованном серым мрамором вестибюле. Не успела подойти к длинным столам с разложенными на них книгами, откуда-то сбоку, неожиданно, набросилась Алина. Волосы еще вчера были светлые, сегодня выкрашены хной. Ничего удивительного, бывает. Лицо необычного бронзового оттенка, – что-то новенькое. Толстый слой тонального крема – перебор даже для любительницы косметики Алины. Даша присмотрелась: ясно, подружка пыталась замаскировать красную, вспухшую полосу поперек носа и щек, с лиловым отливом.

– Даш, как хорошо, что ты пришла, ах, это ужасно! Помоги! Даш, мне плохо!

– Что случилось, Ли? Кто тебя ударил?

– Пустяки. Неважно. Муж, – она легкомысленно махнула рукой, превратившись в обычную Алину – пофигистку. Подумаешь, муж ударил, да она ему такое устроит, в ногах будет валяться, прощения у нее просить, так было, так будет.

Даже не синяк, удивило, что Алина, не любящая ничего сине – фиолетового, вырядилась в чернильный костюм. Такой насыщенный цвет еще надо поискать. На его фоне терялся легкий небесной голубизны шарф на шее, зачем-то намотанный до самого подбородка.

– Что за наряд? Жутковато смотрится в сочетании с оранжевой прической. Хну передержала? Мужу не понравилось? Ничего, можно перекраситься, – успокаивала Даша.

Алина увлекала ее, держа за руку, к лестнице, мимо охранника, вниз, в цокольный этаж.

– Причем тут цвет волос? И мой муж? В летнем саду лежит Семен. Он, кажется, умер, лежит там, – косноязычно говорила она и тянула Дашу по лестнице, вниз, мимо комнаты для переодевания обслуживающего персонала, – он там, я из окна увидела, прибежала, вернулась, чтобы позвонить в скорую. Но уже вызвали.

Вдвоем пулей пронеслись к запасному выходу и очутились на просторе, огороженном высоким бетонным забором. Там, где под раскидистой ленкоранской акацией стояла скамейка, толпился народ.

Алина продолжала тянуть ее за руку, пытаясь протиснуться, люди оглядывались и расступались. На клумбе, заросшей барвинком, Даша увидела подошвы белых, дырчатых ботинок, серые носки, дальше белая простыня, накрывшая труп с головой. Алина терзала ее руку и шептала на ухо: «Я сразу поняла, подбежала к нему, и сразу поняла. Но не поверила, надеялась, что живой. Стала трясти, он, жуть, какая! вдруг наклонился и упал. Тяжелый, я не смогла удержать. Это сердце».

Подруга говорила, а Даша скорее догадывалась, чем слышала: за высоким забором рычали моторы, – дорога перегружена транспортом в дневное время, и шум машин заглушал все звуки. Если бы Береза звал на помощь, никто бы не услышал.

Народ все прибывал. Задние напирали на передних, топтали листья барвинка. Если нельзя помочь, зачем они толпятся здесь? Что за нездоровое любопытство! Да еще снимали! Ничего святого у людей!

«Что же это делается?» – пробормотала она и, толкаясь, выбралась из толпы, уводя за руку Алину.

Когда поднимались по ступеням на первый этаж, Даша увидела своего мужа с помощником. Если муж, если отдел убийств, то вряд ли Семен Береза умер от сердечного приступа. Неужели насильственная смерть? Кто определил? Белых халатов она не видела. Значит, уже уехали. Естественно, сюда поспешили все службы, никого не пришлось долго ждать.

Белкин кивнул жене и подошел к охраннику. Вместе с охранником они стали спускаться вниз.

Алина, увидев Белкина, качнулась. Даша взяла ее под руку. Но Алина отстранилась, шарфом вытерла слезы и почти спокойно произнесла:

– Твой приехал. Значит, Семена убили.

За прилавком с книгами никого не было, придется ждать Евгению, обещала вот-вот явиться. На посту за чистым до зеркального блеска стеклом виднелась склоненная тяжелая голова с пышной прической вахтера Луизы. Алина куда-то исчезла.

Белкин быстрым шагом прошел мимо нее, даже не кивнул. Даша увидела в окно, как он сел в машину и уехал. Помощник еще оставался, поговорил с охранником, зашел на пост к Луизе, что-то записывал. Народ медленно расходился, но в коридоре еще толпились люди, кто-то громко возмущался: дожили, среди белого дня мочат депутатов. И где? Зачем тогда охрана?

Труп увезли. Здание заполнили милиция и бойцы ОМОНа. Появилась Алина, и дергая за концы голубого шарфа, туго его затягивая, так, что видимая полоса шеи была синюшного оттенка, – быстро заговорила:

– Я бы сейчас дома была. Понимаешь? Сидела бы дома. Именно сегодня утром позвонила Евгения, – и это случайность?

– Не накручивай, а?

– Она сказала, что младшего сына надо везти к стоматологу. Именно сегодня. Не вчера. Не завтра. Почему, а? Почему именно сегодня позвонила Евгения?

– Бывает, случайное совпадение. Случайность. Ясно?

Но Алина ее не слушала.

– Евгения что-то знает, наверняка знает, поэтому срочно исчезла. Она тут сидит весь день, могла что-то слышать, или видела. Она перед уходом как-то странно посмотрела на меня. Была недовольна, что я чуть опоздала. Вместо благодарности.

– Перестань подозревать Евгению, – разозлилась Даша. – Ты мне скажи, где была, когда это случилось.

– Где была? Вот именно. Только успела продать несколько книг, новые детективы хорошо берут, вдруг позвала Луиза с вахты и сказала, звонил Карпов из дома, ну, ты знаешь его, сказал, что собирается прийти на работу. Ты ведь знаешь, толстый такой, – Даша кивала, кто его не знает. – Меня чуть из-за него не уволили, пожаловался, что плохо убираю его кабинет. Я подорвалась, на третий этаж. Видимо, в это время Семен пришел. Откуда Карпов взялся? Зачем я побежала в его кабинет? Боялась, что уволят? Было бы за что держаться.

Даша устала слушать Алину и обрадовалась, когда та забралась на пост к Луизе. Было слышно, как она визгливым голосом делилась с вахтером предполагаемыми мотивами преступления. Разумеется, подружка без мистики не могла обойтись, даже вспомнила, что сегодня вторник – день Марса, бога войны. Может, действовал маньяк? А что, мало ли обиженных? Какой-нибудь бомж, – допустим, у него квартиру незаконно отняли. Вот и сошел с ума, и стал убивать депутатов.

Подружку не изменить, но лучше бы она эту чушь держала при себе.

Наконец, явилась Евгения, полноватая женщина, с высветленной прической. Обычно спокойная, она с тревогой посмотрела на Дашу, уже знала о случившемся.

– Ой, как торговать после этого, кто будет книги покупать.

– Ладно, убираем все в кладовку, – решила Даша.

– Я сама, вы идите, я сама.

Даша, взбудораженная смертью депутата, домой не спешила, и согласилась на предложение Алины посидеть в баре, помянуть Березу. Бар тут, недалеко, через дорогу, посетителей никого, только официантка и бармен у стойки.

К октябрю в городе остается мало отдыхающих. Местные жители по барам редко ходят. Разве что менты и служащие прокуратуры, с левыми доходами, – деньги как пришли, так и уплывут.

Заказали водку. Алина, наконец, избавилась от своего шарфа, повесила его на спинку стула, налила полные рюмки.

– Пьем до дна, пожалуйста, не надо со мной спорить. Я знаю, что ты предпочитаешь шампанское, но ведь мы с тобой за упокой пьем, а не за здравие.

– Что ты меня уговариваешь? Я не маленькая. Не понимаю что ли? – огрызнулась Даша.

Алина поднесла рюмку ко рту, запрокинула голову и вылила в рот водку, по-мужски одним махом.

– Что смотришь? Не бойся, не напьюсь. В таком состоянии надо много выпить, чтобы расслабиться. Ведь я его хорошо знала, очень хорошо, – Алина чуть не заплакала, но сдержалась. – Пойми, только вчера с ним разговаривала по телефону. Нам надо было встретиться, он сам просил о свидании, хотел поговорить. Встретились, но он был уже мертвый.

– Жену жалко, с двумя малыми детьми осталась.

Но Алина не слушала:

– Мы в последнее время ссорились. Если честно, не хотелось с ним встречаться: уходя, уходи, но он настаивал на свидании. На той скамейке мы часто сидели.

– Кому была выгодна его смерть? – Даша входила в роль следователя.

– Кому? Его жене, естественно. Я не сомневаюсь, только ей, больше некому. Она могла заказать его. Понимаешь? Береза жаловался: глупая она. Ей ничего нельзя сказать, проболтается, даже во вред себе. Я ее видела на фотографии, неинтересная.

– Сегодня утром, именно сегодня, странное совпадение, звонила Лида, жаловалась на тебя.

– На меня? Совсем вылетело из головы: она недавно приглашала в гости, День учителя отметить. Я ни дня не работала в школе, только пединститут окончила. Надо ей позвонить, все некогда было.

– Нет, не поэтому. Она узнала, что ты с Березой. Понимаешь?

– Весь город знает, даже до Лидки дошло! Не город, а деревня, все про всех всё знают. И даже его жена узнала. Представь, Семен позвонил мне вчера и давай орать. Я что, идиотка, его жене рассказывать. О чем? О том, что он не очень, как это сказать, ну, ты сама понимаешь, в чем он не очень силен. Возраст сказывался.

– Он тебе позвонил? Значит, был уверен, что ты могла это сделать?

– Ага, – она махнула рукой: характерный жест, будто отмахнула от себя неприятности.

– Весь город – сильное преувеличение. Береза не настолько популярен. Кого удивит, что женатый мужчина изменяет жене? Не в этом дело, в Лидину детсадовскую группу Ирина Береза водит сына. Она пожаловалась Лиде на тебя.

– Вот видишь, я не соврала, она знала, что я любовница ее мужа. Была, мы с ним расстались. Так что она поздно спохватилась.

– Ладно, я не следователь, чтобы разбираться: была – не была.

– Что значит «ладно»? Мы так и будем с тобой сидеть, сложа руки?

– Не поняла.

– Кого начнут подозревать? Меня. Если сидеть и ждать, то я быстро окажусь, сама понимаешь, где. Надо что-то делать.

– Что?

– На похороны сходить, посмотреть, как вдова себя поведет. Только идти надо тебе. Мне нет, нельзя там показываться, раз она знает, еще в меня вцепится, начнет орать. С нее станется. Ты сходи. Обязательно. Обещаешь? – Алина оживилась и стала походить на прежнюю подружку, любительницу веселиться и не заморачиваться проблемами и, по возможности, перекладывать их на безотказных подружек.

– Может, пусть займутся профессионалы?

– Ну, пожалуйста. Пойми же, я не хочу терять свободу.

Умоляющий взгляд, да еще красный рубец на лице, да еще труп любовника, пусть бывшего, как тут откажешь.

– Ладно, не в первый раз выручаю, – Даша тут же пожалела, что позволила втянуть себя в чужие дела.

Алина обрадовалась и погладила ее по плечу.

– Подруги для того и существуют, чтобы помогать в беде. Я, может, тоже схожу. В толпе затеряюсь, – пообещала она.

– Угораздило тебя с депутатом связаться. Чем он занимался?

– Земельными вопросами.

– Ничего себе. Хорошо, я уже согласилась. Если будет отпевание, сейчас без этого редко хоронят, в храме понаблюдаю за вдовой, за ее родственниками. Посмотрю, может, интуиция что-то подскажет.

– Ты у нас способная с детства, – польстила Алина.

– Ага, раз так, разберусь, способности никуда не деваются, лишь временами впадают в спячку, пылятся, как умные книги на полке.

– Что уж ты так грустно? Скучаешь по своей работе?

– Сама не пойму. Но такая жизнь меня не устраивает. Белкин советовал чем-то заняться. Вот и займусь.

– Поражаешь меня Дашка! Я никогда не слышала, чтобы ты жаловалась на жизнь. Даже когда с Андреем развелась. Страдала, но не жаловалась. Что случилось? Белкин оказался садистом? Неудивительно, раз в милиции работает.

– Не говори глупостей. Я никогда не жалуюсь, я ставлю для себя проблемы и решаю их. Понимаешь? Живу разумом, а не чувствами.

– Ой, ли! насмешила. Рассуждаешь как твой Белкин.

– Разве? – рассеянно спросила Даша, – ты знаешь, я очень надеюсь на Лиду, на ее интуицию. Так прямо и спрошу ее, могла Ирина убить своего мужа?

– Правильно. Ты молодец. Помнишь, в школе она точно угадывала, кого из нас спросят на уроке?

– Ты ее ведьмой называла. Она не обижалась. Ты никогда не думала, почему ясновидящие предсказывают не очень приятные события? Им под силу одна тухлятина.

– Сказанула. Лидка не такая, – она задумалась. – Но если она ведьма, значит, не зря тебе сегодня утром звонила? Может, она знала, что Береза умрет? – почему-то шепотом спросила Алина и округлила без того круглые глаза.

– Или точно знала, что его убьют, – тоже шепотом сказала Даша и оглянулась, – в зале кроме них, посетителей так и не появилось.

– Слушай, Дашка, ты ведь умная, ответь, пожалуйста, почему ты, Лидка и я до сих пор дружим? Такие разные. Столько лет прошло, считай, тридцать три года, а мы все дружим. Помнишь, как нас привели мамы первый раз в первый класс? Я совсем потерялась, мама толкает меня к детям, учительница улыбается, а я не могу с места сдвинуться. Вдруг Лидку увидела, как оазис в пустыне. Маленькая такая, с большим портфелем, в косе бант больше ее головы, и на морде блаженная улыбка.

– На лице, – механически поправила Даша.

– Я же любя.

– Не сомневаюсь, но наши мамы филологический факультет университета окончили. Надо соответствовать.

– Моя мать классная, без подобных заморочек. Ты бы слышала, как она отца иногда посылает. Это надо слышать. Он все боится голодным остаться, заставляет нас огородом заниматься.

– Успешно?

– Нет, конечно.

Она махом осушила остатки водки.

– Ты что, забыла, как мы первый раз в первый класс пришли? – спросила уже заметно опьяневшая Алина.

– Ну, как же. Я ведь тоже перепугалась, а тут девочка с доброй улыбкой. Я сразу ухватилась за ее руку. Потом уже ты прибилась, так мы втроем и вошли в класс, втроем сели за парту. Помнишь, как мы с тобой враждовали, кому сидеть с Лидой?

– Мы даже очередь установили. Потом учительница рассадила нас, и ни ты, ни я, не сидели уже с ней. Давай позовем ее. На душе муторно. Я щас, позвоню ей, – она стала рыться в сумке.

Даша взяла ее за руку:

– Прекрати. Мы с тобой напились, а ей теперь пьяных женщин слушать. Особенно тебя. Пожалей ее.

– Ладно, успокойся. Все же ты мне не ответила, почему столько лет прошло, а мы подружками остались. Как так? И разные мы, и судьбы у нас совсем не похожие. Лидка не была замужем. Подозреваю, что она до сих пор девственница. Спросить бы, да не скажет. Да еще возмутится: каждый человек имеет право на личную жизнь, тьфу.

– Она права, не лезь, куда не просят.

Но Алина продолжала, не услышав ее:

– Ты у нас самая умная, – со второй попытки строишь семейное счастье. Дерзай, подружка, хотя вряд ли получится. Или уже поняла, что нет смысла менять одного мужа на другого? Мужчине, бывает, везет в другом браке. Женщине никогда, она просто смиряется.

– Хочешь сказать, ты правильно делаешь, что не разводишься? Потихоньку изменяешь мужу, зато он у тебя есть, не то, что у некоторых, – разозлилась Даша.

– Нет не так. Сказала, что женщина смиряется и сама себе не поверила. Я ведь еще надеюсь на счастье. Понимаешь? А ведь совсем недавно считала, что для меня изменять мужу не хобби, а смысл существования.

– Сильно сказано, – не хобби, а смысл. Повтори, надо записать, – Даша порылась в сумке, – черт, не на чем записать. С каких пор ты так поумнела? О смысле жизни заговорила.

– Пиши. Вот, салфетка.

– Ручки нет.

– Дашка, ведь ты журналистка, как так, нет ручки! Твоя профессия не бывает в прошлом. Это уже пожизненно. Как наша дружба.

– Ага, ты правильно заметила, что судьбы у нас разные. А мне кажется, что ты и Лида ничуть не изменились. Только внешне. Морщинки появились, – лицо подруги напряглось, и Даша поспешила ее успокоить, – у меня. У тебя щечки гладенькие как у девушки.

– Талия куда-то делась. Но не только у меня. Даже у Лидки. Хотя она бегает по утрам. Ну, и в чем мы остались прежними? Начала, так продолжай.

– Ты с первого класса влюблялась. Первый был Сергей, забыла фамилию. Ты только о нем говорила, мы с Лидой убегали от тебя, ты нас находила и говорила – говорила.

– Что я говорила?

– Глупости разные. Восхищалась Сержем, естественно.

– Не помню.

– Потом он тебя поколотил, ты ревела, Лида успокаивала.

– Почему сейчас не успокаивает? Ее призвание – жалеть слабых и беззащитных.

– Ты что, слабая и беззащитная?

– Меня посадят. Твой Белкин посадит.

– Я уговорю его, чтобы отпустил. Из тебя убийца никакая.

– Пусть Альбинку посадит. Надоела, мельтешит перед глазами. Подумаешь, депутат городского масштаба.

– Ревнуешь?

– Да. Ты сама сказала, что мы три подруги. Почему еще Альбинка твоя подружка?

Даше стало скучно. Она намерено старалась не говорить о случившемся, жалела Алину, – такое несчастье. Но выяснять отношения никогда не любила, тем более, сегодня.

– Все, Алинка, я домой.

– Пожалуйста, давай еще посидим. Дашка, мне страшно, посиди со мной еще, пожалуйста. Пить не будет, сейчас закажу кофе, с пирожным.

Она поднялась, прихватив голубой шарф и туго наматывая на шею, направилась к стойке: чернильное пятно на фоне белых стен. Костюм туго обтянул бедра и грудь. С давних времен у нее привычка, носить одежду на размер меньше, – в надежде, что похудеет. Босоножки небесного цвета. В тон с шарфиком. Середина осени, пора в сапоги влезать. Что ее заставило не по сезону одеваться?

Она вернулась с двумя чашками кофе. Села боком к столику, покачивая ногой и поправляя шарф на шее. Детского цвета босоножки, крупные бусы, шарфик, тесный костюм, ярко оранжевая прическа производили впечатление душевного неблагополучия, если не хуже. Неужели впала в маразм? Но еще рано, разве это возраст? еще душа поет, еще светит солнце, даже если по нему плывут грозовые тучи.

– Ладно, Алинка, остаюсь, но если признаешься, зачем вырядилась так.

– Что, нельзя?

– Почему? Все можно. Я помню, как ты гуляла по школе в зеленых колготках и фиолетовой куртке, твоя мама еще говорила, что это любимые цвета Грина. Помнишь, увлекались «Алыми парусами».

– Дуры были. Читали слишком много.

– Умные книжки. Классику. И ты все школьные годы носила радужные шапки и куртки. Где твоя желтая шаль? Такая ослепительная, глазам больно.

– Лидке подарила. Желтый цвет любят дети. Она передарила какой-то воспитательнице. «Главное, Алина, что детям нравится», – передразнила она Лидин голос. – А мне что, не жалко. Что тебя так волнуют мои цвета? Люблю все необычное, хочу быть заметной. Жить не так, как Лидка. Вот уж кто никогда не носила ничего яркого. Серенькая и беленькая, овечка, бе-е-ме-е, – с ней тоска и скука. Разве можно быть такой правильной? Так и помрет девственницей. А ты, Дашка, черными одеждами умела соблазнять мужчин. Юбка с разрезом дальше некуда, сумка со стразами, даже носовой платок не поместится. Ресницы полдня наращивала, глаза русалочьи, с похотливым блеском.

– По себе не суди. Все, хватит, я пошла домой, – разозлилась Даша.

– Извини, ну, прости меня, дуру, не уходи, а? Хочешь знать, я скажу, если тебе интересно. Ты не подумай, просто один мужчина, очень – очень…, ну, ты понимаешь, любит фиолетовый цвет.

Даше стало смешно. Бедная подружка, снова влюбилась.

– Не связывайся с ним. Упаднический цвет. Любимый вырожденцами.

– С чего ты взяла? Только что придумала?

– Где-то читала, про аристократов.

– Нет, он не такой.

– Все же ты перестаралась с цветами.

– Правда? Ой, что делать! У меня скоро свидание, – она посмотрела на часы.

– Да. Алинка, ты не взрослеешь. Но мы с тобой отвлеклись. Знаешь, о чем я подумала, может, кто-то залез в сад, посторонний, и убил Березу? Почему бы нет? Депутаты не станут этим заниматься.

– Залезть туда трудно, хотя можно, с северной стороны, если заниматься скалолазанием. Там обрыв, метров пять будет. Стена забетонирована на совесть, ровная, без выступов. Со сто-

роны улицы высокий забор. Залезть можно только ночью. Днем улица оживленная. Конечно, при желании все можно.

Центр города раскинулся на гористой местности, и первый этаж дома с одной стороны, мог быть вторым и даже третьим этажом, с другой стороны. Вот и летний сад круто обрывался с трех сторон. Правда, в глаза не бросалось: по периметру густо росли кипарисы.

– Удивительно как беседка густо заросла виноградом, – какой-нибудь бомж мог в ней поселиться. Ты обратила внимание? акация за скамейкой тоже заметно подросла.

– Ага, ветки толстые, какой-нибудь бомж мог поселиться, – передразнила Алина.

– Ты не допускаешь, что кто-то посторонний мог быть там? – раздраженно спросила Даша.

Она устала и хотела домой. Алина поняла правильно и сделала вид, что обиделась:

– Ладно, отпускаю, насильно никого не заставляю, подумаешь.

Неизвестно, чем бы закончилось полупьяное общение, удачно позвонил Белкин.

– Извини, Алин, муж дома, надо бежать, – обрадовалась Даша.

– Подожди, я своего Костю вызову, все равно сидит у телевизора, он тебя подбросит до дома.

– Нет, я лучше пешком.

– Как хочешь, я тоже спешу, – Алина резко встала и удалилась первая.

Сколько раз Даша давала себе слово, не пить с Алинкой. Сначала они вели душевные разговоры, – им было хорошо вдвоем, но в какой-то момент начинали ссориться. Нужен был кто-то третий. Лида в последнее время не соглашалась на роль миротворицы, видимо, ей надоело слушать жалобы и разбираться в обидах. Весной встретились втроем последний раз, – отмечали женский праздник. Как обычно, Алинка завелась после далеко не первой рюмки водки. «Не ссорьтесь, девочки, у меня голова от вас болит», – пожаловалась Лида. «В самом деле, Алинка, не навязывай нам свою жизнь», – поддержала Даша. «Нормальная жизнь, я естественная, такая, какая есть, а вы ханжи. Подумаешь, скромницы, съешьте лимон». Лида схватилась за голову, страдальчески поморщилась, и сказала, что будет общаться только с трезвой Алиной.

«Друзья пожизненный капитал, самый надежный, – говорил Андрей Крестинский, бывший муж Даши, любитель крылатых фраз, – потому что не может принадлежать никому другому, ему не грозит банкротство, если уж очень не постараться и не рассориться со всеми».

Вот и приходилось поддерживать даже поднадоевшую дружбу. Нет, Даша не ханжа и умела получать приятные и полезные бонусы. Так с мелким бизнесом ей помогла подружка студенческих лет, теперь известная личность в городе, вместе учились на факультете журналистики местного университета, – Альбина Балмошная, на «о» округлить рот и резко выдохнуть. Кое-кто думал, что это псевдоним, а не фамилия, – уж очень подходила ее характеру. Сильная энергетика и склонность к авантюрным поступкам привели в политику, Альбина стала депутатом, пусть, в масштабах города, но это только начало, трамплин для полета в столицу. Когда решила, как она выразилась, «пролезть» в плотные ряды избранных, не сомневалась в победе, ибо «какая власть в городе без главного редактора глянцевого журнала для богатых!» Яркие картинки, мало текста, – чтиво для тех, кто по уровню развития недалеко ушел от младенческого возраста.

Альбине нравилось выпускать журнал и быть депутатом, вот только мечта о замужестве оставалась мечтой, – подкачали мужчины в их депутатской команде, не на ком взгляд остановить. Типичные карьеристы, какая тут романтика.

Слышать ее жалобы, что мужик нынче измельчал, думает только о себе, где сейчас найти надежное плечо, – уже привычно. «Мужественные все по тюрьмам, ищи там», – советовал ей бывший Дашин муж, он ведь тоже журналист, учились на одном курсе.

Крупной и решительной на вид журналистке – главному редактору и депутату в одном лице, нытье не шло. Ноющая, толстая баба, в обуви сорокового размера смотрелась комично.

Но жаловалась она нечасто. Ее рабочее время, растянутое до суток и более, проходило в авралах. Несмотря на занятость, она тоже ценила дружбу, поэтому помочь Даше – святое. Любительница покричать, поистерить, все же оставалась отзывчивой, как в студенческие годы, – и продолжала поддерживать отношения с подругой, хотя их пути разошлись.

Вместе работали в газете, потом в журнале, Даша с Андреем, он был еще ее мужем, и Альбина, естественно, главным редактором. Когда глянцевый журнал стал пользоваться спросом, Даша неожиданно уволилась. Альбине объяснила, что решила посвятить всю себя без остатка, благополучию семейной жизни. «Что тут непонятного, поддерживать огонь в очаге, как положено первобытной женщине, – уточнила Альбина, – но ты не торопись, ты еще подумай, стоит ли так круто менять свою жизнь».

Увы, Даша поторопилась расстаться с престижной работой, – семейная жизнь с Андреем не удалась, и они развелись. Потом она вышла замуж за Белкина, следователя, с которым Андрей в детстве гонял футбол в подворотне.

И потекли скучные дни. Будни и выходные ничем не отличались: муж работал, она сидела дома. Однообразное течение времени надоело, и захотелось иметь свой бизнес, книжный, о чем она давно мечтала. Место торговли книгами выбила Альбина, воспользовавшись депутатским мандатом.

Полгода назад они вдвоем поставили два стола в вестибюле «дворца слуг народа», как называла это мрачное серое здание Алина, – и Даша села торговать книгами.

Покупатели – небедные депутаты и посетители, в основном деловые люди, те, у кого нет времени ходить по магазинам. Тут же, рядом, сколько раз мимо проходят все, кто здесь работает и заседает. И всегда богатый выбор книг на любой вкус, читай, наслаждайся на скучных совещаниях и в автомобильных пробках.

Даше нравилось ездить на книжный склад, знакомиться с только что вышедшей из типографии литературой. Постепенно раскрутилась и попросила Алину поработать продавцом. Та немного поворчала, пусть Альбинка помогает, но согласилась. Подумать только, сколько их, депутатов будет мимо нее проходить. Уж она – то воспользуется этим. И пользовалась. Но сидеть на одном месте не могла, перевелась в уборщицы, ее сменила Евгения, мать троих детей, уже школьников. Дашу она устраивала.

* * *

Белкин был дома, хотя стрелки часов не дотягивали до восьми вечера. И это после убийства депутата. В подобных случаях, когда совершались, как сейчас говорят, громкие убийства, он даже не приходил домой ночевать.

– Березу задушили, – сказал он, подняв голову от письменного стола.

– О, ужас!

Она села в кресло и прикрыла глаза. Сообщение повергло ее в шок. Поразил не только способ убийства, но и то, что муж заговорил с ней об этом. В их совместной жизни Белкин впервые говорил дома о работе. Она Он внимательно посмотрел на Дашу, кажется, пришла в себя, и продолжил:

– Помнится, Алина занималась спортом.

– Да, выступала на международных соревнованиях по плаванию. Еще в школе. Она рано начала заниматься спортом. К чему ты спросил об этом?

– Важная информация.

Даша поняла, что он подозревает Алину, и разозлилась:

– Используешь жену в интересах следствия? Нехорошо. Подозревать ее глупо и не достойно опытного следователя. Как она могла своими пальчиками в маникюре задушить крепкого мужчину? Напоила чем-то? Алина под подозрением, – нелепее я ничего не слышала.

– Хорошо. Пусть. Ты ее защищаешь, и со мной не согласна, это понятно. Ведь она твоя подруга. Но как объяснить ее действия? Слишком много неясного в ее поступках. Почему именно сегодня утром она пришла на работу? Насколько я помню, продавцом у тебя числится Евгения. Алина – уборщица, ее смена начинается вечером, после шести. Или что-то изменилось? Только не сердись, я советуюсь с тобой.

Она не поверила своим ушам, Белкин советовался! Только ради этого Алине надо было кого-нибудь убить. Белкину нужна помощь! как давно хотелось, чтобы наступил такой день. Ведь так интересно заниматься расследованием преступлений. Только не радоваться раньше времени. Глубоко вдохнуть, медленно выдохнуть, спокойно отвечать на вопросы, и стараться не заводиться.

– У Евгении дети, иногда болеют. Нечасто, но бывает. И я допускаю, что она договаривается с Алиной. Почему нет? если Евгении нужно было с утра вести сына к врачу. Ничего странного, что мне не сообщили о замене. Не люблю, когда меня дергают по пустякам, если могут договориться сами, – Даша повторялась, и Белкин уже не слушал, но остановиться не могла. – Я не согласна с твоим предположением. Представить, что подруга убила Березу, не могу. Нет и нет! Алина убийца? Нет, это невозможно!

– Возможности твоей подруги мне известны, – поморщился Белкин, – забыла, как жаловалась, что она тебя кинула? Ты взяла ее на работу торговать книгами. Так? Вот и сидела бы за прилавком, раз не выгоняют. Почему перешла в уборщицы? Вы не поладили?

Даше не нравился его тон – это допрос, а не обсуждение на равных: два умных человека делятся своими умозаключениями, – об этом она мечтала. Только не заводиться. Говорить спокойно и не обращать внимания на то, что он взял газету и делает вид, что читает.

– Хочешь сказать, что она специально пришла утром, чтобы задушить Березу? Но она не слабоумная. Единственный недостаток: заводная, шило в заднице, – так говорила ее собственная мать. Алинка способная, но училась средненько, внимания всегда не хватало. Для ее натуры неестественно сидеть на одном месте. Какой из нее продавец. Она согласилась работать у меня только на короткий период, пока не найдется женщина, которой можно будет доверять. В моем бизнесе это очень важно.

– Конечно, сидя на одном месте, особо не погуляешь, – он отбросил газету.

Удивительно! невозмутимый муж злился. Как ни странно, Дашу это успокоило.

– Согласна. Гулять она любит и всегда любила, независимо от места работы. И семейного положения, – добавила она. – Да, такой у нее темперамент, страсть к переменам, ей надо постоянно куда-то и за кем-то бегать. Умудрялась сбегать на свидания, бросив прилавок с книгами. Благо, Луиза мне звонила, и я мчалась на работу. Когда Алина захотела сменить профессию, я ее не держала. Теперь все, она не портит нервы, себе и мне, мы только подруги. Она своей работой довольна: час помахала тряпкой и все – свободна. Но из ее темперамента ничего не следует. Если она такая активная, не значит, что склонна к противоправным действиям. Действовал другой, скрытный. Прежде, чем решиться убить, надо где-то в темном углу затаиться и накапливать злобу.

– Достоевщина. Давай обойдемся. Давай ближе к реальности. Не вмешиваюсь, но если ты допускаешь, что продавец может бросить прилавок с книгами и убежать, не удивлюсь, если скоро обанкротишься.

– Конечно, безобразие. С подружками лучше бизнесом не заниматься.

– Не только ее не было на месте. Никто не видел, как Береза вошел с улицы в здание. Никто не видел, как Береза спустился вниз, в летний сад. Не было Алины, не было охранника, не было вахтера. Заходи, кому не лень, и взрывай все подряд.

– Может, Береза ночевал в своем кабинете? Бывает, засиживаются до утра.

– Ночевал дома, утром позавтракал и около одиннадцати пошел на работу. Как он мог проникнуть в летний сад незамеченным?

Время такое наступило: предвыборная гонка. Настоящая гонка. Более точного слова не придумать. Депутаты носились по этажам, никого не замечая, пулей выскакивали на крыльцо, били копытами в ожидании машин и исчезали в клубах дыма. Подчиненные чувствовали, что до них нет дела, и пользовались этим. В спокойные времена кто-то обязательно оставался в вестибюле: или вахтер, или охранник. Продавец просто обязана сидеть на рабочем месте, ведь книги недешевые.

Ругаться с Алиной? Поздно, теперь Белкин вызовет на допрос, пусть подружка доказывает, что не замешана в преступлении.

– Тебя не удивляет, что охранника не было на месте? Типичная ситуация? – Белкин смотрел в упор.

– Ну, почему, конечно, удивило бы, что это за охрана. Но конкретный случай для меня понятен, поэтому не удивляет. Охранник Володя в свое дежурство, около двенадцати, точнее, без десяти двенадцать, просил нас последить за лестницей, иногда кто-то садился на его место, – и спускался вниз, в буфет за чаем и пирожками. Мы входили в его положение.

– Да, он мне объяснил, что за пятнадцать минут до официального открытия буфетчица начинала подогревать пирожки, нехитрую закуску и воду для чая и кофе. Потом звала его.

– Вот видишь, нет противоречия, значит, охранник не убивал. Мы, все, знали, что у него злая хозяйка, и он часто приходит на работу голодным, поэтому буфетчица зовет его перед открытием. Потом набежит народ, в пять минут сметет все пирожки. Буфетчица не замужем, охранник не женат. Если тебе интересно, там же, в цокольном этаже, за буфетом, дальше по коридору редакция глянцевого журнала с главным редактором Альбиной Балмошной. Ты ее хорошо знаешь, Когда она бывает у нас в гостях, строит тебе глазки. Учти, я этого больше не допущу.

– Вот как? Ревнуешь?

– Ага. Альбинка задушила депутата, чтобы встречаться с тобой на допросах.

– Не злись, вспомни, ты ведь сама приглашала ее в гости.

– Если бы. Она приходит без приглашения.

– Значит, в конце коридора редакция?

– За ней еще подсобные помещения.

– Охранник мог увидеть из буфета, если бы кто-то проходил в редакцию журнала или в подсобные помещения?

– Да, но тех, кто шел в летний сад, нет, не увидел бы. Услышать, да, мог, если специально прислушивался.

– Вахтер и охранник заявили, что в редакцию при них никто не проходил: ни журналисты, ни Альбина, ни посетители.

– Надо же, никого не было. Ты не думаешь, что все как сговорились?

– Да, можно сказать, – он задумался. – Роковое стечение обстоятельств: не было никого, даже тех, кому положено быть в вестибюле. Вахтер Луиза тоже покинула свой пост, ушла в туалет, на первом этаже, в конце коридора. Она сказала, что охранник еще сидел за своем месте, думала успеть вернуться до его ухода.

– Что ж он ушел?

– Вот тут интересно. Ему показалось, что Алина спускалась по лестнице. Характерный стук каблуков. Он спустился вниз, в буфет, Алину вахтер не видела, хотя отсутствовала, по ее словам, минут пять. Никто, ничего заметил. Обычно ее замечали на посту только те, кому нужен ключ от кабинета. Увы, в те роковые минуты ключи не понадобились никому.

– Значит, убийца наблюдал за передвижениями охранника и вахтера? Сейчас, перед выборами, обычно в малолюдных коридорах толпится народ, так что можно незаметно следить за кем угодно. В толпе легче спрятаться. Он знал, что в какой-то момент народ схлынет. В обеденный перерыв посетителей почти не бывает. Они толпятся с утра и до полдвенадцатого.

– Мы пытаемся найти свидетелей. Думаю, преступление продумано до мелочей. Действовал не случайный человек. Кто-то знал привычки охраны, безалаберность твоей подруги и любовь к чаепитию вахтера.

Белкин встал из-за стола и теперь мерил длинными шагами ковер посреди комнаты: высокий, худой, с тонкими чертами лица. Даша находила сходство с Шерлоком Холмсом, вернее, с советским актером, игравшим знаменитого сыщика. Даже купила Белкину трубку. Но он сказал, что для трубки нужна борода: «И не спорь со мной, Дашунь, такой стиль. Будет время на пенсии, отращу, а сейчас некогда за ней ухаживать. Даже для усов нет времени».

Она впадала в тоску, когда представляла, что он вот так, до старости, будет занят каждый день, включая законные выходные. Лучше бы гулял, как бывший муж Андрей. Гулящие мужчины хоть на жен иногда обращают внимание. Может, сравнивают? Но понимала, второй раз измены не выдержит, – бросит Белкина и будет жить в гордом одиночестве. Уже жила, лучше об этом не думать, не накликать беду.

Пока в беде Алина. Неразборчивая в знакомствах, легковозбудимая, могла вцепиться в горло и не рассчитать силу своих рук.

О, только не это! Она, конечно, могла, по глупости, стать соучастницей преступление, непонятно как, но могла. Например, сообщить кому-то, что у нее с Березой свидание, и он будет ждать ее на скамейке.

Он не просто так сидел, не дышал свежим воздухом, нет, это не в правилах депутатов, да еще в такое время. Что-то очень серьезное, связанное с Алиной. Он ждал ее. Зачем? Отношения выяснять могли по телефону, тем более, он деловой человек. Правда, говорят, мобильные телефоны легко прослушиваются, но кому нужны разговоры любовников, что такого, секретного они передавали друг другу? И его жена уже все знала.

– Когда совершаются преступления, любые случайности рассматриваются с точки зрения выгоды для преступника. Если на месте не было ни охранника, ни вахтера, нужно выяснить, в конце концов, спросить у Алины, как случилось, что это совпало с приходом Березы.

Даша вдруг обиделась за подругу, нельзя так, нельзя таким бездушным тоном. Ведь подруга.

– Спрашивать у Алины? Но ее тоже не было. Разве охранник докладывал ей, что голоден? Или Луиза, что ей приспичит в туалет? – чуть не кричала она. Защитить, во что бы то ни стало. Сбить сыщика со следа. – Такой умный, и так… Нет, ты не прав. Чтобы так все просчитать? Нет, я не верю. Я ведь спрашивала ее, – солгала она.

– И что она ответила?

– Догадайся.

– Думаю, на себя доносить не стала. Но ведь что-то ответила? Как? Настороженно, удивленно, смущенно. Тебя ничто не насторожило?

– Смущенно? Алина никогда не смущается. Если ей не понравится, заговорит о своем. Она редко на вопросы отвечает. Не любит.

– Тогда я тебя спрашиваю: если у нее было свидание с Березой в летнем саду, почему она побежала на третий этаж, даже если Карпов собирался прийти на работу? Поднялась к нему в кабинет посмотреть, все ли в порядке? Неужели это так важно?

– Откуда тебе известны ее передвижения? – удивилась Даша. – Когда ты успел?

– От вахтера. Из кабинета Карпова есть дверь на балкон. С балкона скамейка хорошо просматривается, и дерево не мешает, – Белкин помолчал. – Если в вестибюле не было ни охранника, ни Луизы, и они не видели, как Береза прошел в летний сад, Алина могла его видеть.

Даша вспомнила, что не только с балкона, но из окон лестничной площадки виден сад, именно южная часть со скамейкой и ленкоранской акацией. Алина могла не подниматься на третий этаж, не входить в кабинет Карпова, а остановиться, допустим, на площадке между

вторым и третьим этажом, увидеть в окно то, что ей надо, а потом быстро сбежать по лестнице и сделать то, что хотела. Даша похолодела, неужели Алина убийца? Она ведь знала, что охранник, как обычно, уйдет в буфет, а Луиза любила с утра чаи гонять.

Нет, нет, нельзя так думать. Алинка, действительно, могла всполошиться, услышав, что Карпов приехал из командировки и скоро явится, помчаться в его кабинет, доделать, чего не успела, вот и забыла о свидании.

Не только Даше известна история «любви и ненависти» Алины к Карпову. Знали о ней Луиза и буфетчица Галина, и даже охранники были посвящены в эту историю.

Больше года Алина убирала кабинет депутата, хмурого и неприветливого. Как ни старалась, он ни разу ей не улыбнулся.

– Жуть! Целый год каждый день, кроме выходных, прихожу вечером, он сидит за столом, работает, и ни разу не посмотрел и не заговорил со мной. Зачем трачу деньги на краску для волос? – возмущалась она.

Как могла, старалась ему понравиться, просто так, по женской привычке, даже решила украсить балкон, выход на который был прямо из кабинета Карпова. Разорилась, приобрела у Даши книгу о японской культуре составления букетов. То ли не дочитала, то ли не поняла, или поняла по-своему: по периметру балкона расставила горшки с цветами вперемежку с ракушечником причудливой формы. Камни присмотрела где-то на диком пляже, попросила знакомого привезти. Потом их перетащили на третий этаж электрик со слесарем. Даже охрана ей помогала. Луиза ворчала, разве дело, потакать Алинкиным причудам, но пропустила. Попробуй, откажи темпераментной женщине, шуму будет, не успокоится, пока своего не добьется.

Правда, Луиза попыталась ей объяснить, что не все любят цветы в горшках, что надо сначала спросить человека, понравится ли ему сад камней на балконе, но Алина и слушать не хотела, – нет таких людей, чтобы им не нравилась красота. Нет, и все тут.

– Как ты думаешь, если я куплю в горшках маленькие ели, кипарисы, еще что-нибудь, расставлю как-нибудь оригинально, ему понравится? – советовалась она с Дашей.

– Глупо тратиться, – отвечала Даша. – Лучше эти деньги перечисли в фонд детей – сирот.

Алина отмахивалась. «Очень хочется, чтобы он хоть раз улыбнулся. Ходит хмурый. Хоть раз увидеть его веселым», – делилась она своими планами со всеми, кто ее слушал.

Балконом не успокоилась, решила озеленить кабинет Карпова. Здание старой постройки, с большими окнами и широкими подоконниками, удобными для любителей – цветоводов. За старания чуть не уволили, когда Карпов пожаловался замдиректора по хозчасти: уборщица развела грязь в его кабинете.

После неудач с Карповым Алина переключилась на ландшафтное озеленение и царствовала в саду. Последним увлечением был барвинок. Им заросла вся клумба, та самая, на которой Даша увидела труп Березы.

Нет, пожалуй, после барвинка, осенью, точнее, в сентябре, Алина притащила два куста лавра, как-то связала их с энергетическими полями. Что это такое, Даша не слушала, хотя надо было: кусты символизировали изменения в личной жизни подруги. Лавр не прижился, – Алину чуть удар не хватил.

То икебаны, с клумбами, вперемежку с увлечениями мужчинами, то поиски энергетических источников по всему городу, – за подружкой не уследить. Она еще выращивала фиалки и розы в других кабинетах. Удивительно хорошо принялись, особенно фиалки, нежно-розовые, цвели постоянно. Вдруг захотелось, и она утащила все горшки домой, но муж разбил горшки с цветами во время очередного скандала. То, что осталось, Даша забрала на свою кухню, к любимым орхидеям.

Луиза как-то сказала, что Алина жила долго с мужем, потому что они постоянно ругались, возбуждение необходимым ей как глоток свежего воздуха.

Даша ждала, что Белкин упрекнет ее, – надо выбирать достойных подруг. Но не сказал, закрылся в своем кабинете.

* * *

Он убрал со стола все лишнее, достал из ящика новую папку с файлами, бумагу, исписанный блокнот, и стал просматривать записи. Так сказать, по свежим следам. К сожалению, следов мало. Они, конечно, были, преступник не прилетел, а подошел к жертве. За скамейкой рос барвинок, как и на клумбе. Листья кое-где примяты, естественно, народу много ходило. Там, где ничего не росло, земля сухая, особенно возле скамейки, – утоптана курильщиками. По окуркам тоже ничего нельзя определить. Дворник убирал рано утром, уже успели накидать.

Собрали, конечно, все-таки депутата убили.

Эксперты не нашли следов борьбы на теле Березы, значит, он особо не сопротивлялся. Кто-то неслышно подобрался сзади, накинул на шею удавку, и быстро затянул. Таким способом задушить могла и женщина.

Надо было ему сесть на скамейку под густой акацией, а не у входа или чуть дальше, но на виду. Наверняка действовал хорошо знакомый, тот, кто не вызывал опасений. Иначе бы Береза насторожился.

Вариантов, как действовал убийца, много: он мог отвлечь разговорами и зайти за скамейку, или что-то уронить, не в этом суть. Главное, для такого преступления нужны сильные руки, и Алина под подозрением.

Второй после Алины подозреваемый – охранник Данилов Владимир. Сильный мужчина, справиться с Березой мог легко и быстро. Правда, охраннику дал положительную характеристику его начальник, бывший следователь, Белкин вместе с ним когда-то работал, – надежный, за слова отвечает. К его мнению стоило прислушаться.

Следующая подозреваемая вахтер Луиза Мансурова. Когда Белкин подошел к ней, она кивнула ему как старому знакомому. Не сразу вспомнил, пришлось порыться в памяти, где и при каких обстоятельствах встречался с ней. Это было нашумевшее в городе убийство священника.

Вспомнил и поразился странному совпадению: по тому делу семилетней давности об ограблении храма и убийстве священника Даниила проходили свидетелями Даша, ее бывший муж Андрей, убитый Береза, Луиза и вездесущая Альбина Балмошная. Убийство произошло тогда, когда Даша еще была женой Андрея.

В храме святого Климентия был убит священник и украдены ценные предметы: кресты, иконы. Приезжали следователи из столицы, работали долго и на совесть, но преступника так и не нашли до сих пор.

Алиби Мансуровой было, можно сказать, железным, не подкопаться. На допросе держалась спокойно, не истерила.

Почему-то она смутилась и покраснела, когда он удивился, что Карпов позвонил ей на пост и доложил о своем возвращении из командировки. Видимо, не просто так звонил. Что ж, и депутатам ничто человеческое не чуждо.

На вопрос: зачем Алина побежала на третий этаж, вахтер ответила: «Ничего удивительного, она безалаберная и необязательная, но ведь хочется удержаться на работе. А Федор Кузьмич не любит, когда ему мешают уборщицы, поэтому требует, чтобы убирали кабинет в его отсутствие. Работает он обычно допоздна. Приходит рано и требует, чтобы кабинет был уже убран».

Белкину показалось, что она выгораживала Алину, чувствовалась какая-то нестыковка. Представить, что Алина побежит в кабинет, когда Береза ждал ее в саду, невозможно. Она знала, что он ее ждал. Иначе быть не могло. Или могло?

Черноглазая, черноволосая женщина Белкину нравилась: не суетилась, на вопросы отвечала четко. Он, конечно, опытный следователь, мог отличить, когда лгали, когда говорили правду, но если попадались истерички, то с ними было трудно. Они так запутывали следователя, что он уже не понимал, где правда, а где пустые домыслы.

Мансурова ни разу не запуталась в показаниях, правда, замялась, когда он спросил, не слышала ли, звонил телефон Алины перед тем, как та побежала на третий этаж? Женщина ничего не ответила, но качнула головой, как будто хотела ответить «да», но почему-то передумала. Именно в этот момент ему показалось, что она выгораживала Алину. Может, была не уверена и боялась подвести коллегу по работе? Бывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.